

Н. Г. Севостьянова

«БОРЬБА ЗА ЛОГОС» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПЛАТОНИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассмотрены самобытные историко-культурные рецепции и основные установки исследований платонизма в русской философии с опорой на ее историографию и труды В. В. Зеньковского, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Г. Г. Шпета, В. Ф. Эрна, П. Д. Юркевича. Показаны воплощения платонизма в учениях представителей русской морально-религиозной философии; ее цельное знание как «борьба за Логос», скорее метафизический, чем логический. Сквозь призму традиции персонализма в русской философии раскрыты «жизненная драма Платона» и значимость платонизма в отечественном мировоззрении.

«Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру» [1, с. 3]. Влияние платонизма испытала вся западная и восточнославянская интеллектуальная культура, но в особенности русская морально-религиозная философия начала XX в. в различных формах метафизики всеединства и апологетики духовного опыта.

Но «Платон оказался вечной проблемой истории человеческой культуры» [1, с. 4], его личность и творчество окутаны тайной, он «околдовал Европу». Философы и богословы всех времен и народов по-разному интерпретируют учение «божественного Платона» и его «солнечное постижение сущего». И сегодня специалисты по русской философии и платоноведению неоднозначно трактуют проявления платонизма в отечественной мысли. Рассуждают о логической возможности понятия «христианский платонизм»; выявляют взаимосвязь логического и метафизического, ratio и Слова в Логосе; раскрывают соотношения метафизики всеединства и метафизики веры; изучают экзотеризм и эзотеризм платоновского влияния на мировую духовную культуру.

Цель данной статьи – рассмотреть историко-культурные проявления и основные установки исследований платонизма в русской философии; показать воплощения платонизма в учениях представителей русской философской школы метафизики всеединства; раскрыть сквозь призму традиции персонализма в русской философии «жизненную драму Платона» и значимость его учения для отечественного мировоззрения.

Платонизм представляет собой переосмысленное учеными почти трех тысячелетий наследие великого древнегреческого философа, основоположника объективного идеализма и предтечи христианства Платона (427–347 до н. э.). Ученик Сократа и основатель Академии, в которой учился Аристотель, мыслитель рассмотрел умозрительный мир вечных идей, слабым отражением и тенью которого является все материально-чувственное. Учил о бессмертии души, познании истины через обращение разума к идеальному основанию космоса. По Платону, умопостигаемый мир истинного бытия, мир идей представляет собой самостоятельную сферу вечного и неизменного, постоянного и неподвижного сущего и венчается идеей блага. Объективный идеализм Платона метафизичен: как и сущее вообще, каждая идея, эйдос всегда себе равна, «не знает ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения».

В философии античности платонизм представлен Древней, Средней и Новой Академией; средним платонизмом (неопифагореизм, гностицизм, герметизм); неоплатонизмом. Первыми последователями платонизма были ученики Академии, школы Платона, основанной им в 387 г. до н. э. в Афинах. Закрытие школы в 529 г. стало началом «тайны ее тысячелетней значимости», но проблема Платона волнует умы и сегодня.

«Бесчисленное количество поэтов и прозаиков, художников и критиков, ученых и дилетантов вот уже третье тысячелетие спорит из-за Платона, поет ему дифирамбы или снижает его до уровня обывательской посредственности» [1, с. 4]. Ведь платонизм в основе своей все же языческое учение, на основании которого впоследствии неоплатоники (Плотин, Порфирий, Прокл, Тертуллиан) как представители христианской философии античности римского периода ее развития сделали вывод о божественном сверхсущем Едином, которое лежит в основании космоса и постигается с помощью нравственного очищения.

«Платон – это одна из самых сложных и мучительно противоречивых проблем в истории философии, одно из наиболее трудно анализируемых историко-философских самопротиворечий» [1, с. 43], – отмечает Алексей Федорович Лосев (1893–1988) – выдающийся историк русской философии и антиковед, разработчик феноменологии и «рыцарь всеединства», переводчик сочинений Платона и неоплатоников. Творчество самого А. Ф. Лосева можно считать своеобразной энциклопедией русского платонизма, особенно ярко представленного в работах «Философия имени», «История античной эстетики», «Очерки античного символизма и мифологии».

По признанию А. Ф. Лосева, «излагать философию Платона как систему – это истинное мучение, ибо ее приходится реконструировать из его противоречивых суждений. Даже знаменитый термин “идея” имеет несколько разных значений. Платон менее всего догматичен. Его философский метод – это метод острейшего критицизма и диалектики» [1, с. 62]. Идеи как цели, ценности и причины всех вещей и явлений раскрывают «для нашего разума мир того, что всегда есть и никогда не бывает, а для наших чувств – мир того, что всегда бывает и никогда не есть».

«Платоновские идеи – это не только родовые понятия, противостоящие чувственной действительности. Идею вещи он понимал как принцип вещи, метод ее познания, смысловую модель чувственных проявлений, как такое общее, которое представляет собой закон для всего единичного. При этом материя является функцией идеи» [1, с. 47].

«У Платона не идеи образуют собой наивысшую действительность, но Единое, которое есть не что иное, как тождество всего идеального и материального, как тот первопринцип, из которого только путем его разделения возникает идеальное и материальное» [1, с. 49]. «Сильной стороной философии Платона менее всего является его объективный идеализм как мировоззрение. Платон создал теорию общего как закона для единичного, теорию необходимых и вечных закономерностей природы и общества» [1, с. 56–57].

В труде «Русская философия» А. Ф. Лосев отмечает: «русская философия, развивавшаяся на основе греко-православных представлений, во многом заимствованных у античности, кладет в основание всего Логос. Ratio есть человеческое свойство; Логос метафизичен и божествен. Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным ratio и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [2, с. 73].

«Борьба за Логос», «живая стихия Логоса», «сознательно и принципиально осмысленная философия Логоса» выражает суть русской философии по утверждению Владимира Францевича Эрна (1882–1917), автора работы «Верховное постижение Платона» [3]. «Отсюда коренной и универсальный

онтологизм в философии Логоса. Для приверженцев философии Слова само понятие Истины онтологично. Восточное умозрение признает истину бытием в Логосе, т.е. бытием в Истине» [4, с. 79].

Примирающим высказыванием о сути русскоязычного умозрения служит в данном случае тезис выдающегося историка русской философии Василия Васильевича Зеньковского (1881–1962). «Русская философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» [5, т. 1, с. 16].

Основные рецепции платонизма и его исследования в русской философии

Общий строй идей платонизма и неоплатонизма был освоен уже в христианско-православной культуре Киевской Руси через византийское и болгарское влияния, понимаемые предельно широко, как некоторое духовное устремление, «как указующий перст от земли к небу, от долу – горе» (П. А. Флоренский). «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Солунские братья сыграли для России фатальную роль» [6, с. 28], – полемически отметил выдающийся историк русской философии и феноменолог, «сторонник философии как знания, но не морали» Густав Густавович Шпет (1879–1937).

Так начинается «герменевтический круг» в интерпретациях самобытного русского заимствования платонизма. «Россия стала христианской без античной традиции. Она могла взять античную культуру прямо из Греции, но этого не сделала. Запад принял христианство на языке латинском, античная культура была открытой книгой для западного человека. И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке? Мы выдержали натиск монголов, и какое у нас могло бы быть Возрождение, если бы наша интеллигенция так же знала греческий, как Запад – латинский язык, если бы читали хотя бы то, что христианство не успело уничтожить из наследия Платона, Фукидида и Софокла» [6, с. 28–29]. «Неразработанность русского языка, отсутствие научной терминологии, невежество читателя, – все это стояло на пути духовного просветления России. Когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся» [6, с. 38].

Отмечая бесспорную заслугу перед русской культурой переводчика текстов Платона с греческого языка в XIX в. В. Н. Карпова (1798–1867) и не комментируя соответствующие переводы В. С. Соловьева, Г. Г. Шпет тем не менее подчеркивает, что и В. Н. Карпов не освободился от «словено-российского» стиля, который выдерживал значение слов, но не мысли первых переводов Платона в XVIII в. Пахомова и Сидоровского.

Неоплатонизм стал идейной основой русского исихазма как мистической философии священнобезмолвия и практики «умной молитвы», что отразилось во взглядах Нила Сорского (ок. 1433–1508), определив идеологию «заволжских старцев» с их богословско-политической программой нестяжательства.

Первый русский философ Григорий Саввич Сковорода (1722–1794), «русский Сократ и последователь Платона», но скорее проповедник «стоицизма от Цицерона и Плутарха» [6, с. 85], родился и действовал в Малороссии. «С посохом в руке он обошел многие страны Западной Европы, знал языки, был знатоком античной философии. Это был истинный Сократ на русской почве, и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в духовном рождении человека» [2, с. 74].

«Глубокое внимание к западной мысли и пронизанность религией Слова восточнохристианского умозрения составляет оригинальную почву русской философской мысли от Сковороды до С. Н. Трубецкого» [4, с. 85]. «Принципиальным онтологизмом проникнуто цельное мировоззрение «русского Сократа» Г. С. Сковороды, и мирозерцание «русского Платона» – В. С. Соловьева» [4, с. 87].

В философских классах Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской академий изучали философию Платона и неоплатоников, несмотря на то, что господствовали курсы по схоластике и аристотелизму. Славянофилы учили о всеединстве как соборном начале духовного бытия.

Почти все философские сочинения Памфила Даниловича Юркевича (1827–1874), учителя В. С. Соловьева, посвящены анализу творчества Платона, в том числе его сравнительному анализу с кантианством. «Философия Платона находила в идеях истину самого разума, а не функции человеческого субъекта. Общее, идея, истина есть вечное, не произведенное субъектом содержание разума» [7, с. 503], – отмечал П. Д. Юркевич.

Для русского философствования характерно восприятие платонизма не только в связи с учением Платона об идеях, но и в связи с идеализмом как направлением философии вообще, с реализмом в споре об универсалиях, с априоризмом и рационализмом в теории познания, со спиритуализмом и телеологией в онтологии. По А. Ф. Лосеву, «русская философия представляет собой внутреннее, интуитивное, мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [2, с. 71].

Платонизм и метафизика всеединства

«Платон – безусловный проповедник всевозможной гармонии: внутри человека, в обществе и в космосе – вот постоянный и неизменный идеал Платона в течение всего его творческого пути» [1, с. 59]. На рубеже XIX–XX вв. платонизм воплотился в метафизике всеединства выдающегося русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) и плеяды его последователей мировой известности. «Соловьев – гений философского творчества, создавший обширнейшее и законченное философское мирозерцание» [4, с. 84]. Платоновское «оправдание добра» стало предметом

главного труда В. С. Соловьева и его «нравственной философии». Исследователи отмечают, что «в философии Владимира Соловьева наблюдается органическое слияние различных элементов платонизма и неоплатонизма» [2, с. 88] наряду с рационализмом.

В метафизике всеединства представлены учения о цельном знании, о Богочеловечестве и Софии. Цельное знание в русской философии означает не только внутреннюю логику системосозидания, но и проявляется в стремлении постичь цельный духовный опыт. «Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей. Только собрав в единое целое все свои духовные силы, человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о божестве. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей – В. Соловьева, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, А. Лосева, И. Ильина и др.» [8, с. 514–515], – утверждал выдающийся историк русской философии, приверженец метафизического персонализма и платонизма Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965).

Философские начала цельного знания В. С. Соловьева увязывают теургию, теософию и теократию; науку, философию и теологию; логику, метафизику и этику. «В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, в идеале целостности заключается одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [5, т. 1, с. 20].

Непосредственные сторонники метафизики всеединства представили учение о цельном знании. С. Л. Франк (1877–1950) обосновал «метафизический реализм» о сути и формах проявления непостижимого. С. Н. Булгаков (1871–1944) создал систему православного универсализма, дополняя метафизику всеединства мистическими идеями духовного спасения (сотериологии). П. А. Флоренский (1882–1937) в «конкретной метафизике» воспроизвел исихастский опыт молитвенного восприятия единосущия божественного и человеческого миров. В определенном смысле он слишком платонизировал христианство, сближая его с мистикой и магией.

Так всеединство множественности, по В. С. Соловьеву, обнаруживает свою «ущербность». Роковым спутником всеединства оказался пантеизм, навеянный языческим мировоззрением Платона, – отметил в «Истории русской философии» В. В. Зеньковский. Он утверждал о «слишком большой философичности Платона» для христианства, которая вносила «осложнение и в понимание Бога». Неслучайно одна из работ В. В. Зеньковского получила название «Преодоление платонизма и проблема софийности мира». Установление непосредственной связи платонизма и христианства губительно для последнего, по мысли В. В. Зеньковского. Но авторы учений метафизики всеединства считают эту непосредственную связь объективной.

Моральная философия метафизики всеединства как цельное знание инорационального бытия воспроизводит «вечные идеи» Платона и отличается разнообразием подходов к поиску ключевой нравственной ценности. Это добро и любовь как ценности смысла жизни в «нравственной философии» В. С. Соловьева, а также «первичные данные нравственности» – стыд (как совесть на уровне социального бытия и как страх Божий на уровне духовном); жалость (как любовь и альтруизм); благоговение (как вера).

Совесть и свобода самоопределения как основные нравственные ценности раскрываются в апологетике Е. Н. Трубецкого; духовность и смысл жизни – в теории непостижимого С. Л. Франка; безгрешность и любовь – в учении Л. П. Карсавина; Добро-Истина-Любовь-Красота – в «конкретной метафизике» П. А. Флоренского; мистика спасения души – в православном универсализме С. Н. Булгакова; разумная вера и верующий разум – в аксиоматике религиозного опыта по И. А. Ильину; преображающая сила Благодати – в «безрелигиозной этике» Б. П. Вышеславцева; свобода и творчество – в теоандрической этике Н. А. Бердяева; «только вера» и свобода – в этике абсурда Л. И. Шестова; ответственность – в «теономной нормативной этике» Н. О. Лосского [9].

Традиция персонализма и платонизм в русской философии

Традиция персонализма в русской моральной философии раскрывается и как направление философии, с которым идентифицирует себя автор конкретного учения, и как метод познания духовной сущности противоречивого по своей природе человека, и как способ постижения творческого замысла создателя философских произведений, как это произошло с многочисленными интерпретациями текстов Платона.

Так, в экзистенциальном персонализме Н. А. Бердяева (1874–1948) и воссозданных им в работе «О назначении человека» четырех этиках (этики закона, искупления, творчества и эсхатологического персонализма) раскрываются темы свободы и творчества, добра и зла, любви, страдания, совести, смирения и спасения, смысла жизни и смысла смерти, рая и ада. О самом себе он сообщает следующее в работе «Самопознание. Опыт философской автобиографии». «Христианство есть персонализм. С этим связана главная духовная борьба моей жизни. Я представитель личности, восставшей против власти объективированного “общего”. В этом пафос моей жизни» [10, с. 280].

Иррационалистический персонализм Л. И. Шестова (1866–1938) содержит философию морали абсурда и веры. Его работы «Апофеоз беспочвенности», «Афины и Иерусалим», «Memento mori» погружают моральную философию в мир «беспочвенности» бытия, научая каждого жить «только верой», но в неизвестности и с надеждой.

Интуитивистский персонализм Н. О. Лосского одержит оптимистическую интерпретацию моральной философии (работы «Условия абсолютного добра», «Бог и мировое зло») в ракурсе онтологии высших ценностей, ответственного пути каждого человека как субстанциального деятеля и в свете установки на естественное эволюционное исчезновение зла.

По поводу персонализма русской философии тонко подмечено: «Мудрость слова раскрывается через личность и в личности. Отсюда персонализм русской философии, т.е. подчеркнутая значительность личности ее творцов и создателей» [4, с. 89]. «Персонализм русской мысли имеет существенный, а не случайный характер. Тайны Сущего раскрываются в недрах личности. Вот почему мало знать, что написали и что сказали Гоголь, Достоевский или Соловьев, нужно знать, что они пережили и как они жили» [4, с. 90]. Так, «необычайная целостность Платонова духа» [3, с. 521] получила олицетворение в платонизме русской философии.

«Предприняв полный русский перевод Платона», В. С. Соловьев в работе «Жизненная драма Платона» усмотрел единство его творений «в самом Платоне как целом, живом человеке, герое своей жизненной драмы» [11, с. 585]. При этом Платон – приверженец внутренней и внешней гармонии, как утверждает А. Ф. Лосев в работе «Жизненный и творческий путь Платона».

Во-первых, драма жизни и мысли Платона обусловлена самой его личностью. «Трагический конец платоновской философии подчеркивается тем, что и сам Платон, и его позднейшие почитатели сравнивали его с Аполлоном, богом света, порядка, гармонии, уравновешенности как в моральном и художественном, так и в государственном и космическом плане. Он Был врачевателем душ» [1, с. 42]. Платон через речи Сократа выразил исповедание «Я знаю только, что ничего не знаю». Это и есть «первое условие истинной философии – нищета духовная» [11, с. 596].

Во-вторых, «Сократ оказался для него незаходящим солнцем» [1, с. 11]. «Осуждение и смерть Сократа разрушили в нем веру в силу разумного убеждения с помощью слова» [1, с. 31]. «Завязка жизненной драмы Платона дана в его отношениях к Сократу живому – в первом акте, а память о Сократе умершем возвратно звучит, как некий лейтмотив и в актах последующих» [11, с. 585]. «Смерть Сократа, когда ею переболел Платон, породила новый взгляд на мир – платонический идеализм. Гений Платона вывел заключение, которое осталось скрытым для других учеников Сократа. Тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, не есть настоящий, подлинный мир. Существует другой мир, где правда живет. Вот действительное жизненное основание для Платонова убеждения в истинно-сущем идеальном космосе, отличном и противоположном призрачному миру чувственных явлений» [11, с. 605].

«Без философских препирательств софистов, Сократа и Платона было бы скучно в истории античной философии; без этой зазорной диалектики, вечного искательства правды и истины не сложилась бы античная философия и литература в том виде, в каком мы ощущаем их еще и в XX веке» [1, с. 19].

В-третьих, «Платон жил и действовал в ту роковую эпоху античного мира, когда погибал свободолюбивый классический полис. Вместо него нарождались огромные империи, подчинявшие себе личность в политическом отношении. Отсюда надежда на перевоплощение человеческих душ, проповедь служения вечным идеям» [1, с. 58].

В-четвертых, «помимо личной для Платона трагедии погибающего полиса он переживал еще одну трагедию, в которой сам едва ли отдавал отчет, но которая заставляла его чувствовать отчаяние и полное бессилие в итоге своего беспокойного жизненного пути. Это была трагедия всякого идеализма вообще, плохо понимающего невозможность преобразования жизни при помощи одних только идей. Платон не понимал, что материя (а значит, и социальная жизнь) определяет собою любую идеальную конструкцию. Идеалист превращается в утописта, в мечтателя. Это было для Платона не меньшей трагедией, чем все его сицилийские неудачи» [1, с. 33–34].

«Если Сократ свел философию с неба и дал ее в руки людям, то его величайший ученик приподнял ее высоко над головою и с высоты бросил ее на землю, в уличную грязь и сор. Хорошо, что сосуд мудрости не есть сосуд скудельный. Разбились вдребезги недостойные политические искания и планы философа, но мысли его лучших дней остались во всей целости. Суд потомства к нему не только справедлив, но и милостив. Снисходительно прощают ему грубый коммунизм как случайную aberrацию великого ума» [11, с. 624].

В итоге «секрет значимости Платона заключается не в буквальном содержании его философии и проповедуемой им морали. При самом беспощадном анализе платонизма в нем оставалось немало ценного. Конструктивно-логические принципы, проповедь самоотверженного служения идее, пафос мировой гармонии, принципиальный антисистематизм и антидогматизм, беспокойный драматический диалог и язык – вот в чем разгадка тайны значимости Платона» [1, с. 63]. Русская мысль восприняла идеи Платона как философию Слова, живой и божественный Логос. «Идейный порыв, принципиальная настроенность, самоотверженное служение идеалу – все это на целые тысячелетия сделало философию Платона популярной, хотя конкретная оценка ее всегда была разной» [1, с. 59].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев, А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона / А. Ф. Лосев // Платон: собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – с. 3–64.
2. Лосев, А. Ф. Русская философия / А. Ф. Лосев // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. : Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 67–96.
3. Эрн, В. Ф. Верховное постижение Платона / В. Ф. Эрн // Сочинения / В. Ф. Эрн; вступ. ст. Ю. Шеррер. – М. : Правда, 1991. – С. 463–533.
4. Эрн, В. Ф. Борьба за Логос / В. Ф. Эрн // Сочинения / В. Ф. Эрн; вступ. ст. Ю. Шеррер. – М. : Правда, 1991. – С. 11–294.
5. Зеньковский, В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с. – Т. 2. – 540 с.

6. *Шпет, Г. Г.* Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Сочинения / Г. Г. Шпет; предисл. Е. В. Пастернак. – М. : Правда, 1989. – С. 11–344.
7. *Юркевич, П. Д.* Разум по учению Платона и опыт по учению Канта / П. Д. Юркевич // Философские произведения / П. Д. Юркевич; вступ. ст. А. И. Абрамова. – М. : Правда, 1990. – С. 466–529.
8. *Лосский, Н. О.* История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высш. шк., 1991. – 559 с.
9. *Севостьянова, Н. Г.* Русская философия : основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 308 с.
10. *Бердяев, Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев; вступ. ст. А. А. Ермичева. – Л. : Лениздат, 1991. – 399 с.
11. *Соловьев, В. С.* Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // Соч. : в 2 т. / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 582–626.

Поступила в редакцию 06.04.2021